

Сабиров Владимир Шакирович

ЦИВИЛИЗОВАННОСТЬ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

В статье изучаются вопросы о необходимости теоретического осмысления проблемы цивилизованности человека и общества, рассматриваемой как многомерный и поливариантный социокультурный феномен с различными версиями и кодификациями его исторического смысла и задания, а также исходные методологические принципы такого рода исследований. Особое внимание уделяется проблеме цивилизованности русских и российского общества в целом, перманентно возникающей в средствах массовой информации за рубежом и в нашей стране.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/1-2/38.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 1 (51): в 2-х ч. Ч. II. С. 158-162. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hlist@gramota.net

THE BYZANTINE RATIONALISM AND ANCIENT PHILOSOPHY

Revko-Linardato Pavel Sergeevich, Ph. D. in Philosophy
Southern Federal University
pareli@mail.ru

In the article the connection of rationalistic school in the Byzantine philosophy of the X-XII centuries with ancient philosophy is considered. The development of rationalism in Byzantium was greatly conditioned by a new stage of ancient heritage understanding. Michael Psellos, John Italus and their followers aiming at combining faith with reason rested upon the works of ancient philosophers. The representatives of rationalism were condemned by Church, which rejected the idea of new synthesis between ancient philosophy and Christianity. However the activity of rationalists laid the foundation for the occurrence of humanistic ideas in Byzantine.

Key words and phrases: the Byzantine rationalism; Michael Psellos; John Italus; ancient philosophy; Aristotle; Plato.

УДК 130.2

Философские науки

В статье изучаются вопрос о необходимости теоретического осмысления проблемы цивилизованности человека и общества, рассматриваемой как многомерный и поливариантный социокультурный феномен с различными версиями и кодификациями его исторического смысла и задания, а также исходные методологические принципы такого рода исследований. Особое внимание уделяется проблеме цивилизованности русских и российского общества в целом, перманентно возникающей в средствах массовой информации за рубежом и в нашей стране.

Ключевые слова и фразы: цивилизация; столкновение цивилизаций; цивилизованность; типология; структурные компоненты; детерминации; динамика; контрверзы цивилизованности; особенности западной, российской цивилизованности.

Сабиров Владимир Шакирович, д. филос. н., профессор

Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики
sabirov-soina@211.ru

**ЦИВИЛИЗОВАННОСТЬ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ[©]**

Проблема цивилизованности человека или общества не является их внутренним делом или состоянием, но всегда имеет отношение к другим индивидам или другим сообществам. И здесь возможны два вектора рассмотрения этой темы. С одной стороны, человек, озабоченный вопросом о качественности своего внешнего и внутреннего облика, существования и поведения, стремится к определенным социокультурным эталонам, возвышающим его в собственных глазах и получающим одобрение окружающих. С другой стороны, как показывает исторический опыт человечества, восприятие и оценка человека, людей или целого социума как нецивилизованных до сих пор остается предлогом для агрессии против них, как якобы нарушителей общепризнанных норм, стандартов, принципов и устоев, дискредитации их традиций и ценностей, что в конечном итоге может закончиться физическим истреблением их носителей. К сожалению, в современной России, переживающей новый виток социокультурных и духовно-ценностных трансформаций, представляющих собою, по сути дела, цивилизационный слом одной системы представлений и ценностей и переход в принципиально другую цивилизационную парадигму, теоретически не ставится и не решается вопрос о необходимости осмысления проблемы цивилизованности человека и общества, рассматриваемой как многомерный и поливариантный социокультурный феномен с различными версиями и кодификациями его исторического смысла и задания. В свою очередь, это вновь ставит вопрос о поиске той необходимой, конструктивной формы ее рассмотрения, отвечающей всем вызовам современного непростого времени, а также исследования основополагающих структурных компонентов проблемы цивилизованности человека и общества, точек ее предметного роста и возвышения и вместе с тем выявления спорных и концептуально противоречивых ее аспектов.

Глубокие противоречия и острейшие конфликты с применением военной силы или угрозой их применения разворачиваются между Западным миром, с одной стороны, и с определенной частью исламского мира, Китаем и Россией – с другой. Эти противоборства имеют под собой не только экономическую и геополитическую подоплеку, но в явной или скрытой форме содержат цивилизационные противостояния. Столкновение цивилизаций, о котором предупреждал С. Хантингтон, стало грозной реальностью [6, с. 281-532]. Важно отметить, что эти противостояния сопровождаются агрессивными информационными воздействиями, содержанием которых является стремление представить оппонентов как варваров, аннигилирующее все их

исторически сложившиеся социокультурные притязания на цивилизованность. Именно спор между двумя разными типами цивилизационной ориентации, до предела обострившийся и, по сути дела, принявший форму практически неразрешимой социокультурной контрверзы со всей очевидностью проявился в событиях последнего времени на Украине, ставшей настоящим ристалищем цивилизационной и информационной войны между Западом и Россией. На протяжении двух десятилетий граждане Украины подвергались мощному информационному прессу, из-под которого возникло целое поколение националистически ориентированных людей с «идеями фикс» в головах: Россия – враждебная агрессивная империя, стремящаяся поработить свободных и высокоразвитых европеизированных украинцев, а русские – это «совки» и «ватники», т.е. нецивилизованные, деградированные недочеловеки, обреченные влачить жалкое существование на задворках истории. Очень печально, хотя и не ново то, что отрицание у русских каких-либо прав на собственную «цивилизованность», имманентную их ментальности, политическим и религиозным умонастроениям, культуре, образу жизни, принципам и формам гражданского и политического строительства, культивирует часть политической, интеллектуальной и культурной элиты России, а также многие обыватели, мыслящие в духе Смердякова. В этом контексте исследование особенностей российской цивилизации в ее исторической ретроспективе, историко-культурной динамике и современном состоянии, а также своеобразие цивилизованности русских являются чрезвычайно важной теоретической задачей.

В современном мире, раздираемом разного рода геополитическими противостояниями и при этом демонстрирующем возрождение крайне архаичных, предельно варваризованных форм поведения (вспомним, к примеру, публичную казнь американского журналиста боевиками ИГИЛ), проблема цивилизованности человека или общества явно выходит за «границы» строго рационального дискурса и все больше приобретает предметно-практический аспект.

Сошлемся в качестве иллюстрации на правдоподобную историю, случившуюся после окончания Первой мировой войны. Группа европейских ученых (антропологов и этнографов) проводила исследования в одном из африканских племен. Между руководителем научной группы и вождем племени состоялся примерно такой диалог:

«– Говорят, у вас была большая война?

– Да, большая.

– И много людей было убито?

– Да, много, 10 миллионов человек.

– И всех их съели?

– Нет, что вы. Мы – цивилизованные люди, мы не едим людей!

– Зачем же тогда нужно было столько убивать?!» [3, с. 15].

Как видим, вопрос о цивилизованности людей и народов, не является столь простым и легко разрешимым.

То, что архаика (будь то нравы, привычки, формы существования или даже приемы политического противостояния) будет становиться неотъемлемой частью современного мира и даже начнет наполнять являвшиеся всегда эталоном цивилизованности западноевропейские формы жизни, предупреждал еще Н. Бердяев, отмечая, что весь европейский мир будет обречен переживать эпоху «нового средневековья» с сопутствующим ему крахом европоцентристского цивилизационного проекта, с очагами откровенной варваризации и нарождающимися новейшими формами социокультурных отношений со спонтанно возникающими протагонистами этих процессов: «Мы живем в эпоху обнажений и разоблачений. Обнажается и разоблачается и природа гуманизма, который в другие времена представлялся столь невинным и возвышенным. Если нет Бога, то нет и человека – вот что опытно обнаруживает наше время» [1, с. 6]. Эта плюралистичность и дискретность форм и стилей, версий и возможностей новых цивилизационных сдвигов не может не порождать особые идейные и социокультурные контрверзы. В предельно обобщенном виде их можно сформулировать следующим образом:

– Каковы духовно-ценностные aberrации европоцентристского цивилизационного проекта, если все традиционные его институты: мораль, гражданское и международное право, семья и собственность, свобода вероисповедания и духовная терпимость оказываются аннигилированными постмодернистским «упрощением реальности», возвращающим Европу в состояние правовой, социокультурной и бытовой архаики?

– Почему принудительная европеизация и навязывание странам и народам европейской цивилизационной «матрицы» как единственно возможной и жизненно обоснованной парадигмы существования оборачиваются тотальной варваризацией бытия и демонстрацией предельно архаичных форм бытия народа и государства (вспомним, к примеру, недавние события на Украине)?

– Кто из современных носителей правосознания и культуры становится новым протагонистом традиционных модернистских («европейских») форм цивилизации и культуры, отстаивающих себя перед натиском нового варварства и в силу этого может считаться подлинным агентом классической европейской цивилизованности?

– Какова миссия России в аспекте современного цивилизационного развития? Традиционно сохраняя известного рода архаичность в эмпирических устоях цивилизационного бытия, а также социокультурную приверженность к европейской цивилизации модерна, каким образом преодолевает она новейшие контрверзы архаики и постмодернистской релятивизации цивилизации и цивилизованности? Есть ли у нее свой способ преодоления этих острейших социокультурных коллизий?

Тема цивилизованности человека и общества имеет и много других измерений, до сих пор не получивших достойного внимания исследователей. К ним можно отнести следующие вопросы: каковы причины, факторы и закономерности утраты человеком и обществом цивилизованного состояния (такие процессы встречались

в прошлом и наблюдаются сейчас); в чем состоит роль идей и ценностей в обретении и утрате цивилизованности (в качестве негативного примера можно сослаться на опыт нацистской Германии); как влияют революции и войны на цивилизованность человека и общества; каковы антропологические пределы цивилизованности и нецивилизованности людей (бесценный материал в этом плане можно обнаружить в «Колымских рассказах» В. Шаламова); существует ли предметно-ценностная взаимосвязь между религиозностью, моральностью и цивилизованностью человека и общества (здесь возможны самые затейливые идейные и мировоззренческие комбинации, о чем в полной мере свидетельствует история мировой культуры); в чем проявляется цивилизующая и децивилизующая роль науки и техники в современном обществе; как взаимно влияют друг на друга потребительское общество, гламурная цивилизация и цивилизованность людей; какова роль либеральных идей в эволюции представлений о цивилизованности людей; в чем значение рыночной и планово-социалистической экономик в цивилизационных процессах; каково влияние глобализации на состояние цивилизованности человека и общества; как представлена тема цивилизованности человека и общества в современных информационных войнах и т.п.

Все эти вопросы составляют тематическое «поле» рассматриваемой проблемы, однако его общетеоретическая ситуация осложняется рядом привходящих культурно-исторических, социально-политических и мировоззренческих особенностей, в известном смысле искажающих его проблемные основания и придающих им крайнюю неоднозначность. Так, нельзя не заметить, что в России периодически воспроизводится слой лиц и социальных групп в политической, интеллектуальной и культурной элите, а также и в обывательской среде с откровенно негативным отношением к духовным, историческим и культурным особенностям собственной страны, и эта социальная страта, явно претендующая на роль носителей подлинно европейской «цивилизованности», вместе с тем представляет собой некую сложную для понимания аберрацию национального сознания, требующую самостоятельного и очень вдумчивого изучения. Эта ситуация носит действительно уникальный характер, ибо практически нигде в мире, по крайней мере, в таких масштабах невозможно обнаружить проявлений подобного национального самоуничтожения, вырастающего до некой особой политической программы, затрагивающей область идей, нравы, морально-ценностные и религиозные предпочтения, словом, все то, что традиционно касается гражданского и социокультурного самоопределения нации. В этом контексте осмысление феномена русского западничества и либерализма в историческом и современном аспектах является чрезвычайно важной задачей, требующей выявления духовных, экзистенциальных, нравственно-психологических, эстетических и других оснований негативного восприятия России и русских определенной частью российского общества. Вообще-то в феномене российских западников и либералов заключен некий парадокс цивилизованности, свидетельствующий о духовной, нравственной и интеллектуальной деградации определенной части российской интеллигенции, т.е. фактической утраты ею определенных черт цивилизованного человека, поскольку истинно цивилизованный человек не будет возмущаться нецивилизованностью окружающих, но приложит все силы к тому, чтобы своим трудом, своей безупречной репутацией, бескорыстной помощью благотворно влиять на них. По нашему глубокому убеждению, это цивилизационное неприятие русскими самих себя, представляя собой некую социокультурную и духовную загадку, чрезвычайно опасно для существования не только нашей цивилизации, но и для мира в целом, поскольку вводит в соблазн и дезориентирует наших геополитических противников, могущих принять по отношению к нашей стране роковые политические решения. Об этом в свое время с глубокой иронией и знанием существа дела писал И. Л. Солоневич: «...вся немецкая концепция завоевания востока была целиком списана из произведений русских властителей дум» [5, с. 156-157].

Поскольку цивилизованность того или иного народа вообще и русских в частности приобрела в настоящее время необычайную полемическую остроту и является одной из основополагающих тем в современных информационных войнах, то одной из основных задач в контексте рассматриваемой проблемы становится анализ наиболее существенных аргументов и инвектив касательно нецивилизованности того или иного народа и, в особенности, русского, посредством раскрытия духовно-метафизических, ментальных, нравственно-психологических и других мотивов этой критики. И, коль скоро цивилизованность человека и общества не является некоей абстрактной, внеисторической и универсальной данностью, то, следовательно, осмысление феномена цивилизованности неизбежно предполагает обращение к разным аспектам ее культурно-исторического контекста, а также динамики взаимоотношений между соперничающими или конфликтующими цивилизациями в плане их откровенной поляризации или возможной комплиментарности.

В имеющихся публикациях касательно данной проблемы в основном преобладает сугубо нормативный подход¹, содержащий в себе некое неразрешимое противоречие, поскольку традиционная дескрипция «цивилизованного человека» сводится в основном к перечислению неких его умозрительных качеств и свойств, априорно выдаваемых за характеристики самой цивилизованности человека. Именно поэтому, так называемая, «натуралистическая ошибка», сформулированная в свое время Дж. Муром по отношению к определению добра в этике, в полной мере проявляется и здесь, ибо то, что, по существу вещей, должно быть доказано и обосновано, подается как самоочевидное и непререкаемое. «Мне кажется, – весьма резонно заметил английский мыслитель, – что в этике, как и во всех других областях философского исследования, трудности и разногласия, которыми полна их история, возникают в основном по одной, весьма простой причине, а именно: в силу того что ученые пытаются ответить на вопросы, не уяснив окончательно, каковы те вопросы, которые они собираются решать» [4, с. 37].

¹ Такой литературы слишком много, чтобы перечислить хотя бы маленькую ее часть. Достаточно отметить, что, например, традиция восприятия русских как варваров, заложенная маркизом А. де Кюстином, в последние годы на Западе имеет тенденцию к неуклонному расширению.

Мы считаем контрпродуктивным подход, сводящий сущность цивилизованности или нецивилизованности индивида или социума посредством редукции к неким внешним атрибутам их жизнедеятельности (образованности, культурности, моральности, демократичности и т.п.), ибо разнообразие всех этих качеств в действительности может не только не сочетаться с цивилизованностью человека, но явно ей противоречить. В качестве примера можно привести, предположим, морализаторство, как гипертрофию моральной оценки человека или общества, являющееся, по сути дела, разновидностью духовного насилия над ними. Человек, постоянно апеллирующий к некой абстрактной и общечеловеческой морали, дабы уличить других в их нравственной несостоятельности, едва ли может быть назван вполне и безусловно цивилизованным. Более того, морализаторство, в особенности в контаминации с разного рода политическими, гражданскими и правовыми притязаниями, очень часто сочетается с различными абберациями совести (комплекс социальной вины у русских дореволюционных образованных слоев, синдром Раскольникова, оправдывающий кровь по совести, мещанское стремление выглядеть благополучным, а главное – политикой «двойных» и даже «тройных» стандартов в современных политических реалиях и т.д.) также ставит под сомнение некие, казалось бы незыблемые прежде основоположения касательно цивилизованности людей и прежде всего – представителей и протагонистов европейского цивилизационного проекта. Эта новейшая контроверза цивилизации и цивилизованности несомненно предполагает некую новую возможность корректировки «общечеловеческих» и «общеευропейских» представлений об отношении к другим народам и этносам, без которых просто невозможно ставить вопрос об истинной цивилизованности как таковой. Именно в этом же ключе, на наш взгляд, должны быть проанализированы все другие «атрибуты» цивилизованности человека, равно как и связанные с ней социокультурные, геополитические и гражданско-правовые контроверзы и противоречия. По нашему мнению, цивилизованным можно считать социализированного свободного человека. Однако даже в этом рабочем определении также скрыто явное противоречие, ибо закономерно возникает вопрос о мере социализированности и мере свободы человека, и все абстрактные ответы на данные вопросы в современных условиях совершенно непродуктивны, ибо сама проблема цивилизованности, равно как и ее антропологические и историко-культурные основания предполагают типологизацию социокультурных вариантов и версий цивилизованности, свободную от идеологической тенденциозности и политологической принудительности. Здесь, по-видимому, возможны несовпадения субъективных представлений людей и объективного состояния их цивилизованности. Так, например, с X века в Китае пошла мода на лotosовые ножки у женщин благородных сословий. Для современного человека эта традиция кажется верхом жестокости и бесчеловечности по отношению к здоровью женщины, но древние китайцы, в том числе и женщины, так не считали, полагая, что лotosовая ножка есть показатель благородства и высших добродетелей женщины. Нам представляется, что этот пример, несмотря на всю его удаленность от современных представлений, достаточно убедительно показывает, насколько различными могут быть критерии цивилизованности для разных социокультурных типов, и как противоречиво и вместе с тем целесообразно применяются они в тех или иных социокультурных реалиях, традициях и устоях. Поэтому рассматривая социокультурный аспект цивилизованности человека, необходимо определить то предметное и критериально верифицируемое цивилизирующее начало, которое лежит в основе подлинной цивилизованности людей, принадлежащих к разным культурам и эпохам. Где-то таким может быть религия, где-то право, где-то образование, где-то политика государства и т.д.

Очень важным аспектом предполагаемого исследования является вопрос о цивилизованности русских и шире россиян, который предполагает анализ существовавших особых типов и форм цивилизационного устройства России, а также связанные с ними острейшие социально-политические, духовные, антропологические коллизии и потрясения. Именно дискретность историко-культурного и геополитического бытия России, порождающая смену разных цивилизационных парадигм (от Киевской Руси, Московского Царства – до новейшей постмодернистской России, где наложились и парадоксальным образом переплелись все формы и типы ее цивилизационного развития), остро ставит вопрос беспристрастного и честного анализа специфики нашей цивилизованности как в рамках строго теоретического подхода к ней, так и в аспекте ее эмпирической многосоставности, несомненно вбирающей в себя весь богатейший социокультурный опыт становления российской цивилизации. Поэтому, как мы уже отмечали выше, здесь в высшей степени непродуктивными являются именно оценочные подходы и прямолинейные эмпирические констатации. Для того, чтобы, наконец, выйти за рамки сугубо оценочных представлений о цивилизованности или нецивилизованности русских необходимо подняться и над комплиментарностью, и над апологитизмом и обрести себя в самокритичности и трезвости интеллектуальных решений, не позволяющим обмануться на основании наспех сделанных обобщений, обозначив по мере возникающих теоретических решений контроверзы и противоречия внутри цивилизационных оснований отечественного социума – и шире – в его взаимодействии с новейшими цивилизационными вызовами и противоречиями.

Нам представляется, что обозначенные нами вопросы, связанные с цивилизованностью человека и общества, требуют тщательного теоретического анализа, широких концептуальных обобщений и глубоких достоверных выводов, имеющих несомненное практическое значение.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Новое средневековье (размышление о судьбе России). Берлин, 1924. 30 с.
2. Де Кюстин А. Россия в 1839 году / пер. с франц. О. Гринберг, С. Зенкина, В. Мильчиной, И. Стаф. СПб.: Крига, 2008. 704 с.
3. Дидов П. Война – доморальный уровень политики // Школа мысли: альманах гуманитарного знания. 2012. № 11. С. 15-21.
4. Мур Дж. Принципы этики. М.: Прогресс, 1984. 326 с.
5. Солоневич И. Л. Народная монархия. М.: Алгоритм, 2011. 624 с.
6. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.

CIVILITY OF HUMAN BEING AND SOCIETY: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS

Sabirov Vladimir Shakirovich, Doctor in Philosophy, Professor
Siberian State University of Telecommunications and Information Sciences
sabirov-soina@211.ru

The article touches on the necessity for the theoretical understanding of the problem of the civility of human being and society considered as a multidimensional and multi-variant sociocultural phenomenon with different versions and codifications of its historical meaning and mission. The paper also analyzes the initial methodological principles of such investigations. Special attention is paid to the problem of the civility of the Russians and the Russian society on the whole permanently arising in mass media at home and abroad.

Key words and phrases: civilization; crash of civilizations; civility; typology; structural components; determinations; dynamics; controversies; civilities; specifics of the western, Russian civility.

УДК 37.01

Педагогические науки

В статье рассмотрен вклад видных педагогов 20-х годов XX века в развитие теории и практики исследовательской деятельности учителя. Н. К. Крупская, С. Т. Шацкий, П. П. Блонский и А. С. Макаренко поддерживали и развили взгляды и убеждения своих предшественников. Особое внимание они уделили разработке таких направлений исследовательской деятельности учителя, как изучение личности ребенка, исследовательское обучение и вооружение учащихся методами научного познания.

Ключевые слова и фразы: новая школа; исследовательская деятельность учителя; исследовательский метод обучения; учащиеся; педагогический опыт; опытно-экспериментальная работа.

Савина Надежда Николаевна, к. пед. н., доцент
Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета
nanikosavina@mail.ru

МЕСТО И РОЛЬ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В НОВАТОРСКИХ ПОИСКАХ ВИДНЫХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПЕДАГОГОВ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ[©]

Одним из крайне слабых участков системы образования дореволюционной России было педагогическое образование. Учительские семинарии и учительские институты не обеспечивали потребности страны в учителях. Большинство учителей имели слабую педагогическую подготовку, что фактически исключало перспективы профессионального роста. Октябрьская революция 1917 года поставила в области народного образования грандиозные для того времени задачи, но их решению препятствовало в том числе непонимание значительной частью учителей задач советской власти и оказываемое ими сопротивление, порой просто отсутствие педагогов и убогое положение школ. Чтобы осуществить поставленные задачи, необходимо было завоевать на свою сторону учительские массы, превратить их в опору нового государственного строя и улучшить их положение. Одновременно с решением этих задач велась работа по подготовке коренной реформы школы всех ступеней.

Значительную роль в переподготовке и перевоспитании учительства сыграли организованные отделами народного образования летние учительские курсы и большая работа, проводившаяся профсоюзами работников просвещения. Открывались новые высшие педагогические заведения, учительские семинарии преобразовывались в трехгодичные педагогические курсы, организовывались одногодичные педагогические курсы [7]. В результате этих усилий в среде учителей наметился перелом, позволивший прошедшему в 1925 году Всесоюзному учительскому съезду заявить о том, что учительство отныне не отделяет своих задач от задач Коммунистической партии [2, с. 116].

В те трудные годы передовые учителя шли по пути исканий и новаторства. Они участвовали в проектировании новой школы, создавали программы, апробировали новые методы работы с детьми, искали пути разрешения многих педагогических проблем, то есть на практике создавали новую школу, формировали новый педагогический опыт.

Новые условия государственного строительства требовали и принципиально нового научного решения разнообразных педагогических проблем. Необходимо было создавать новые теоретические основы педагогики для перехода к воспитанию нового подрастающего поколения. Для этого предлагалось объединить усилия общественных и частных научно-педагогических учреждений, существовавших в дооктябрьский